

«Преступления ненависти» в законодательстве США: характеристика и тенденции

А.М. СЫСОЕВ – заместитель начальника юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Рассматривая зарубежное уголовное законодательство в области охраны существующих общественных отношений от посягательств по мотивам различных предубеждений, необходимо отметить, что в законодательстве целого ряда стран исторически сложилась система уголовной превенции преступлений, совершенных по мотивам этнической, национальной и религиозной вражды. Осознание высокой общественной опасности указанных деяний постепенно привело национальных законодателей к введению уголовной ответственности, по признакам качественно отличающейся в различных странах. Как отмечает О.С. Капинус, идея уголовно-правовой борьбы с разжиганием розни между различными группами населения уходит своими корнями в XIX в., хотя первоначально законодатель имел в виду предотвращение скорее социальных, чем национальных и религиозных конфликтов. Так, в Индии еще в 1898 г. Уголовный кодекс был дополнен ст. 153А, установившей ответственность за разжигание вражды или ненависти между «различными классами индийских граждан»¹.

Преступления экстремистской направленности, выделяемые отечественным законодателем, где в качестве квалифицирующего признака выступает мотивация преступника (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда, а также ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы), не являются исключением из мировых тенденций уголовно-правовой защиты личности от преступных посягательств, направленных на ущемление ее прав и достоинства. Несмотря на недавнее закрепление категории «преступления экстремистской направленности» в отечественном уголовном праве, а также отмечая постоянные изменения перечня деяний, относимых к ней, стоит отметить, что и ранее в законодательстве присутствовали уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за деяния, относимые в их современном понимании к экстремистским. Следует назвать, в частности, наличие в УК РСФСР 1960 г. ст. 74 «Нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии». Рассматривая данную статью, Л.Л. Кругликов и Э.С. Тенчов отмечали: «Объективная сторона преступления включает в себя пять видов нарушения равноправия граждан: 1) возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни; 2) унижение национальной чести и достоинства; 3) пропаганда исключительности или неполноценности граждан по расовым, национальным или конфессио-

нальным признакам; 4) ограничение прав граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или отношения к религии; 5) установление для них преимуществ в зависимости от той же принадлежности или приверженности к определенному вероисповеданию»².

В зарубежном законодательстве преступления, основанные на мотивах предубеждения к лицу на основании социальных признаков, получили широкое распространение и известны под собирательным названием «преступления ненависти». В англоязычной литературе понятия «hate crime» и «bias motivated crimes» используются для обозначения уголовных правонарушений экстремистского характера, предусмотренных законодательством зарубежных стран.

Употребляя термин «преступление ненависти», стоит указать его особый смысл и содержание. Как отмечает профессор Я.И. Гилинский, эти деяния есть «социальный конструкт (как и проступность, наркотизм, проституция и иные социальные феномены, не имеющие онтологического оснований и “естественных» границ)»... Преступления ненависти как социальный и правовой конструкт не существуют как таковые в природе, *sui generis*, *per se*. Это “обычное” насилие, но совершаемое в силу определенных, перечисленных в законе мотивов»³. Именно ненависть к членам определенной группы как элемент субъективной стороны подобных преступлений объединяет их в одну группу.

Распространение в международном праве данный термин получил после его закрепления в 2003 г. решением № 4 Маастрихтской встречи Совета Министров стран ОБСЕ, где его трактовали как собирательное название уголовно наказуемых деяний, мотивированных нетерпимостью и дискриминацией. Вместе с тем использование этого понятия в законодательном контексте, а не в контексте уголовного права и криминологии может повлечь за собой сложности, связанные с толкованием сущности этого явления и его определения в правовых системах различных государств. Это связано в первую очередь с тем, что само понятие «преступления ненависти» ввиду его собирательного характера может использоваться при сравнительном анализе весьма условно.

Исследователь В.Д. Антипов, рассматривая «преступления экстремистской направленности», отмечает: «данное легальное определение вполне может быть усвоено отечественной уголовно-правовой наукой для более широкого контекстного использования, например, в тех

же целях, в каких американская юриспруденция употребляет термин “hate crime”, тем более что выбранная нашими законодателями модель криминализации общественно опасных форм экстремизма сейчас оказалась близка американской»⁴. В связи с этим утверждением, а также с тем, что сам термин «преступления ненависти» появился в Соединенных Штатах Америки после опубликования Д. Джекобсом и К. Поттером исследования «Преступления ненависти: уголовное законодательство и личностная политика» (1985 г.), успех которого способствовал употреблению указанного термина сначала различными правозащитными организациями, а затем и появлению его в официальных документах Министерства юстиции США, обратим особое внимание на законодательство этой страны.

Так, А.В. Наумов отмечает: «Для США в числе сдерживающих совершение преступлений факторов является, к примеру, решение вековой проблемы сосуществования представителей белой и черной человеческих рас... Мы далеки от идеализации “американского образа жизни”, но что касается оценки борьбы с преступностью, то здесь надо просто сохранить объективность. Например, следует признать, что в предупреждении преступления на почве ненависти по этническо-национальному, религиозному и другим признакам полицией США накоплен колоссальный опыт, который в силу определенного всплеска этих преступлений у нас следует изучать»⁵. Присоединяясь к этой точке зрения, добавим, что опыт уголовно-правовой превенции также заслуживает всестороннего анализа на предмет определения общих тенденций в системе обеспечения безопасности личности от преступных посягательств, основанных на мотивах предубеждений и ненависти.

Рассматривая законодательство, обеспечивающее национальное, расовое и религиозное равноправие в США, необходимо подчеркнуть, что данная страна представляет особый интерес ввиду этнического и религиозного разнообразия состава населения, среди которого примерно 69% составляют лица европейского происхождения, 13% – афроамериканцы, 12% – представители испаноязычных народов, 4% – азиаты и 2% – индейцы. В религиозном аспекте протестанты составляют 56%, католики – 28%, иудаисты – 2%, другие религиозные общины – 4%. В этой стране зарегистрировано около 260 различных религиозных организаций, 86 из которых насчитывают более 50 тыс. последователей⁶. При этом проблема мирного сосуществования этих социально-демографических групп остается весьма актуальной вследствие постоянного роста миграционных процессов, неравномерности экономического развития, а также производственной занятости различных социальных групп населения, что особо ярко проявляется в крупных городах. Все это способствует процессам увеличения виктимного риска в отношении представителей отдельных расовых и национальных групп. Так, только в Нью-Йорке в 1998 г. 30% всех инцидентов, связанных с наси-

лием против национальных меньшинств, было совершено в отношении негров, не являющихся мигрантами в первом поколении. Другие 30% были совершены против евреев. В Лос-Анджелесе в том же году большинство расовых инцидентов было направлено против негров, более чем 90% преступлений на почве религиозной ненависти – против евреев⁷.

Современная концепция «равенства всех граждан независимо от цвета кожи, расы и вероисповедания» была закреплена в Законе о гражданских правах 1964 г., который запретил расовую дискриминацию при регистрации избирателей, найме на работу и т.д. Данным законом предусматривалась уголовная ответственность за нанесение увечий или создание препятствий лицам, осуществляющим свои гражданские права.

Именно с конца 60-х гг. прошлого века в США начинается разработка антидискриминационного законодательства, которое получило свое закрепление в концепциях прямой, косвенной и позитивной дискриминации⁸.

В основе концепции прямой дискриминации лежит нарушение принципа формального равенства граждан, который вызвал на практике определенные трудности применения ввиду сложности выявления причин мнимого или реального нарушения прав (например, при трудоустройстве, когда отказ в приеме на работу лица нетитульной национальности может быть мотивирован работодателем недостаточной квалификацией потенциального работника). Стремление устранить такой недостаток привело к возникновению концепции косвенной дискриминации, которая не обязывает правоприменителя доказывать наличие у лица прямого умысла на совершение антидискриминационных действий. Поэтому при разрешении конфликта оценивается вся практика лица, обвиняемого в совершении дискриминационных действий, в отношении к представителям различных этнических групп. Эволюция взглядов на природу явления и оценку его последствий привела к появлению концепции позитивного действия, в основе которой идея о гарантиях со стороны государства общепринятого уровня жизни при устранении препятствий на пути в утверждении принципа равенства в отношении членов группы.

Именно ставшее следствием этих процессов усиление уголовной ответственности за деяния, посягающие на существующие общественные отношения в области расового, национального и религиозного равенства граждан, и попытки систематизации этих правонарушений привели к появлению особой группы деяний – «преступлений ненависти».

Впервые законодательно термин «преступления ненависти» был закреплён в апреле 1990 г., когда Президент США Дж. Буш утвердил «Закон о статистическом учете преступлений, связанных с ненавистью», который обязывал собирать данные о случаях нападения, запугиваний, поджогов или порчи имущества, направленных на человека или группу людей из-за их расовой, религиоз-

ной, этнической принадлежности. На основании этого закона Федеральное бюро расследований стало собирать данные о преступлениях, связанных с проявлениями расовой, национальной, религиозной ненависти. Вышеназванный закон неоднократно претерпевал изменения. Так, в сентябре 1994 г. была принята поправка – «Закон об учете тяжких преступлений и правоприменительной деятельности», которая добавила к категории преступлений на почве ненависти деяния против лиц с ограниченными возможностями (как физическими, так и умственными). В том же году Конгресс США принимает «Закон об усилении борьбы с преступлениями, связанными с разжиганием межрасовой, межнациональной и других видов ненависти», который предусматривает более длительные сроки наказания в случаях, когда преступление определено как уголовно наказуемое деяние, связанное с проявлением ненависти по указанным признакам.

В 1996 г. «Закон о статистическом учете преступлений, связанных с ненавистью» был дополнен «Законом о предотвращении поджогов церквей», что существенно расширило количество видов собираемой информации. Этот закон был принят вследствие регистрации роста поджогов церквей. Так, за период с октября 1991 г. по 1996 г. произошло 110 случаев поджогов церквей, о которых было сообщено федеральным властям, причем 33 из них – в начале 1996 г.⁹

В 1999 г. Конгресс США принял «Закон о профилактике преступлений на почве ненависти». Этот закон дает федеральному правительству большие полномочия в расследовании и преследовании по суду лиц, совершивших преступления из-за предполагаемой сексуальной ориентации жертвы, ее пола или ограниченных возможностей.

Необходимо отметить, что законодательные инициативы в области дополнения признаков ненависти продолжают иметь место. Сейчас на федеральном уровне закреплены такие признаки ненависти, как раса, религия и национальное происхождение, которые постоянно пытаются дополнить. Так, с 1999 г. по настоящее время в Администрацию Президента США неоднократно представлялся «Закон Шепарда»¹⁰, который предусматривает закрепление на федеральном уровне сексуальной ориентации жертвы в качестве отягчающего вину обстоятельства. Напомним, что сексуальная ориентация потерпевшего уже учитывается в качестве признака «преступлений ненависти» в нескольких штатах США.

Информацию о преступлениях на почве ненависти централизованно собирает ФБР по одиннадцати традиционным категориям преступлений, которые подразделяются на два основных вида: преступления против людей и преступления против собственности.

Статистика ФБР свидетельствует об устойчивом росте деяний рассматриваемой категории. Так, в 2002 г. было зарегистрировано 7462 «преступления ненависти», причем 65% этих посягательств были направлены против личности, 33% – против имущества и 2% – против общества. Из

числа этих преступлений 45% были мотивированы расовой нетерпимостью, 22% – национальной, 19% – религиозной, 14% – сексуальной, 0,3% – неприязнью к умственной и физической неполноценности жертвы. В 9% случаях отмечена комбинация этих мотивов¹¹. Уже в 2005 г. было зафиксировано 7947 криминальных инцидентов, которые были мотивированы ненавистью к расе, религии, физическим недостаткам, национальности или сексуальной ориентации (7649 – в 2004 г.). В результате пострадало 10,4 тыс. чел. (9,5 тыс. чел. – годом ранее). Виновниками этих преступлений были 8,4 тыс. чел. (7,1 тыс. чел. – в 2004 г.). В 4,8 тыс. случаев ненависть основывалась на расовой почве (в 3 тыс. случаев жертвами становились чернокожие, в 1,2 тыс. – белые), примерно в 1,3 тыс. – на религиозной (наиболее часто страдали иудеи), в 1 тыс. случаев – на сексуальной (жертвами становились гомосексуалисты)¹².

Рассматривая уголовное законодательство этой страны, уместно вспомнить, что в США фактически нет централизованной системы уголовного законодательства. Здесь действуют 53 самостоятельные системы: 51 штат, федеральный округ Колумбия, где расположена столица страны, и «свободно присоединившееся государство» Пуэрто-Рико. При этом в 46 штатах США и в федеральном округе Колумбия действуют законодательные положения по признанию в качестве отягчающего вину преступника обстоятельства при назначении уголовного наказания, если деяние мотивировано ненавистью и предубеждениями, и почти все штаты, используя различные подходы, приняли законодательство, непосредственно касающееся «преступлений ненависти». Вместе с тем в системе уголовного правосудия США не существует унифицированных признаков этого явления. В результате этого в различных штатах по-разному трактуют его, исходя из признаков, заложенных в законодательстве. Так, в 21 штате «преступлениями ненависти» считаются и преступления, совершенные в отношении инвалидов и психически больных лиц; в 22 штатах – преступления против лиц, обладающих нетрадиционной сексуальной ориентацией; в 3 штатах и округе Колумбия (включая столицу страны – г. Вашингтон) к «преступлениям ненависти» относятся также и деяния, совершенные по мотиву политической вражды.

Американская законодательная традиция знает несколько способов правового определения криминализации указанных деяний. В одном случае на уровне законодательства штатов (Алабама, Делавар, Вермонт, Флорида и др.) вводится отдельное обстоятельство, отягчающее наказание, при наличии которого любое предусмотренное в кодексе преступление начинает рассматриваться как преступление на почве ненависти.

В других (Кентукки, Луизиана, Миссури, Огайо, Иллинойс, Нью-Йорк) при наличии квалифицирующего мотива «преступлением ненависти» может быть признано не всякое преступ-

ление, предусмотренное уголовным законом, а лишь то, в отношении которого имеется специальная оговорка.

Третьим случаем является включение деяния как отдельного состава преступлений со своими объективными и субъективными признаками (Калифорния, Теннесси, Оклахома, Массачусетс).

Рассматривая уголовное законодательство США, следует отметить: несмотря на то, что в большинстве штатов предусматривается наличие отягчающих обстоятельств при назначении наказания, если преступления были мотивированы ненавистью, в отличие от других стран, пропаганда ненависти не подвергается уголовной репрессии, что связано с основными положениями Конституции (Первая поправка), в которой закреплено право свободного выражения своих мыслей. Позиция американского законодателя заключается в приверженности доктрине минимального ограничения свободы слова, так как в американской системе юриспруденции считается, что словесное выражение идей, взглядов и мнений, в которых нет прямого указания на насилие или оскорбление конкретных физических лиц, должно минимально ограничиваться государством.

Ярким примером этого положения является решение Верховного суда США по делу Скоки (1978 г.), когда суд решил, что распоряжение местной администрации, запрещающее проведение митинга неонацистов в еврейском квартале, противоречит Конституции, так как запланированный митинг не представлял непосредственной угрозы применения физического насилия¹³. Поэтому неудивительно, что в некоторых штатах Америки существуют ежегодные шествия неонацистов или членов Ку-клукс-клана. В этой связи многочисленными правозащитными организациями предлагаются свои рекомендации относительно того, как общественность может противостоять ксенофобии. В частности, американский центр «Southern Poverty» предлагает наряду с прочим изучать законодательство, касающееся «преступлений ненависти». Во многих штатах США имеется обширное законодательство по этому вопросу, которое относится к различным аспектам «преступлений ненависти». Вместе с тем в пяти штатах США вообще отсутствуют специальные нормы, предусматривающие ответственность за данные преступления, а многие антирасистские действия квалифицируются в этих штатах как акты вандализма или хулиганства¹⁴. Можно предположить, что в ряде случаев американская система уголовной юстиции не в состоянии успешно противодействовать проявлениям ненависти по различным признакам.

Кроме того, практика применения законодательства о преступлениях на почве ненависти в США строится на идее, что подобное законодательство призвано защищать права лишь социальных групп, исторически наиболее подверженных дискриминации и притеснению, что приводит к некой однобокости применения

уголовного закона: довольно часто нападения чернокожих на белых квалифицируются как общеуголовные преступления, в то время как нападения белых на чернокожих – как преступления, совершенные на почве ненависти. Неудивительно, что противники криминализации подобных деяний отмечают, что законодательство нарушает равноправие граждан, что ведет к господству принципа объективного вменения.

Таким образом, подводя итоги рассмотрению уголовного законодательства США, отмечая его собирательность, мы считаем, что категория «преступления ненависти» включает в себя любое уголовно наказуемое деяние, совершенное против физического лица или частной собственности и мотивированное ненавистью по отношению к тем, против кого оно направлено по причине их расы, цвета кожи, этнического происхождения или национальности, религии, пола, возраста, сексуальной ориентации или инвалидности. При этом любой инцидент на почве ненависти, составляющий уголовное деяние, воспринимается жертвой или любым другим лицом как преступление, мотивированное предубеждением или ненавистью. «Преступления ненависти» объединяют в себе как насильственные преступления, связанные с посягательством на личность, так и преступления против собственности, что существенно расширяет категорию указанных деяний.

Таким образом, современное состояние категории «преступления ненависти» в законодательстве США свидетельствует как о стремительном расширении признаков, трактуемых как мотивы ненависти, предпринимаемых на уровне законодательства отдельных штатов, так и явных попытках унификации признаков этой группы деяний со стороны федеральной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности. М., 2008. С. 119.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л.Л. Кругликова и Э.С. Тенцова. Ярославль, 1994. С. 210.

³ Гилинский Я.И. Социальное насилие: теория и российская реальность // Российский криминологический взгляд. 2008. № 2. С. 231.

⁴ Антипов Д.Н. Законы США о преступлениях на почве ненависти (Hate crime laws) как модель криминализации общественно опасных форм экстремизма // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 1. С. 38.

⁵ Наумов А. Уголовная статистика: преступность и ее стабильность // Уголовное право. 2008. № 4. С. 135.

⁶ См.: Магомедов А.А., Алиев Р.Н. К вопросу об ответственности за нарушение национального и религиозного равноправия граждан по законодательству США // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления. Н. Новгород, 2008. С. 362.

⁷ См.: Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология. М., 2008. С. 103–104.

⁸ См. подр.: Магомедов А.А., Алиев Р.Н. К вопросу об ответственности за нарушение национального и религиозного равноправия граждан по законодательству США. С. 366–368.

⁹ См.: Бартол К. Психология криминального поведения. СПб.; М., 2004. С. 23.

¹⁰ Законопроект назван именем студента Мэттью Шепарда, убитого в Вайоминге в 1998 г. из-за своей сексуальной ориентации.

¹¹ См.: http://www.rof.ru/news/crime/04/08/02_004.htm

¹² См.: http://www.imcl.ru/usa/070530_fobia.php

¹³ См.: Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности. С. 120.

¹⁴ Recommendation of Southern Poverty. NY, 2001.